

УДК 94(47).072/073+279

ДУХОБОРЧЕСКАЯ СЕКТА В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Ивлева Я. А.

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Евпаторийский институт социальных наук,
г. Евпатория, Российская Федерация
E-mail: bdktdf@inbox.ru*

Тематика православного сектантства представляет собой интересную и малоизученную страницу истории. Ее исследование долгое время проводилось односторонне. Необходимость непредвзятого исследования истории православных сект, в частности духоборчества, давно назрела, однако до сих пор не была реализована. На основе анализа источников и литературы в достаточно широких хронологических рамках проведено комплексное изучение секты духоборцев в Таврической губернии. Исследованы такие аспекты ее истории, как появление в Таврической губернии и дальнейшая эволюция, выявлены особенности вероучения, взаимоотношения с властями. Охарактеризован их социально-правовой статус, основные занятия, политика правительства в отношении сектантов и отношения их с православным населением. Рассмотрен заключительный этап пребывания духоборцев в Таврической губернии, описаны причины и порядок переселения в Закавказский край в 1841–1845 гг.

Ключевые слова: секта, православие, духоборцы, империя, Таврическая губерния.

Религиозное сектантство представляет собой важное социально-политическое явление, через призму которого можно изучить специфические особенности общественного сознания в различные исторические эпохи. Секта закономерно возникает на определенном этапе развития религии и общества, отражая все проблемы жизни общества и государства, и в этом контексте она имеет большой исследовательский потенциал.

История православного сектантства в Российской империи представляет собой малоизученную страницу истории. Еще менее исследована история православных сект в Таврической губернии, где наиболее заметна была деятельность духоборцев. Географические особенности и отношение местной власти обусловили значительные особенности деятельности сектантов в сравнении с другими регионами. Этому способствовало и совместное проживание на небольшой территории рядом с православным, мусульманским и протестантским населением. Тем не менее, история духоборчества в Таврической губернии не стала предметом специального научного исследования. Более того, в целом изучение духоборчества представляется сегодня недостаточно изученным ввиду отсутствия современных научных публикаций, позволяющих целостно представить историю данного исторического явления. Опыт комплексного исследования истории российского духоборчества представлен трудами дореволюционных [1; 12; 14; 15; 20; 21; 23; 26; 28] и, в меньшей степени, советских авторов [18; 19; 22; 25; 27]. Современная историография посвящена, как правило, изучению отдельных регионов или же

аспектов истории сектантства [17]. Многие выявленные в архивах документы по истории православного сектантства еще ждут своих исследователей, частности значительный комплекс документов по истории православных сект в Таврической губернии [16].

Духоборцы – православная секта рационалистического направления, широко распространившаяся в Российской империи в XVIII–XIX вв. Название «духоборцы» сектантам дал Екатеринославский архиепископ Амвросий в 1785 г. Он считал, что они противятся Святому духу, «борются» с ним. Сами сектанты с названием согласились, но придали ему иной смысл – они «борются за дух». Духоборцы провозгласили себя борцами против религиозной внешности, признающими только внутреннюю суть христианства. В делопроизводственных документах духоборцев долгое время называли «иконоборцами» за непризнание ими икон и «раскольниками, неприемлющими священство». Под названием «духоборцы» секта впервые была упомянута в законодательном акте 1799 г. [23, с. 2–3].

История духоборчества в России началась в XVIII в., но установить точное время появления секты не представляется возможным. По мнению И.Н. Харламова, она возникла в среде народа и прошла долгий путь становления, пока не сформировалось единое учение [28, с. 151–152].

Место появления духоборчества также точно не определено. Так, чаще всего исследователи указывают на Тамбовскую, Екатеринославскую и Харьковскую губернии. Реже упоминается Воронежская губерния, однако важно помнить, что до конца 1770-х гг. Тамбовский уезд был ее частью [17, с. 729; 18, с. 85; 24, с. 3].

Исследователь И. Н. Харламов отмечал, что эти места не случайно стали центрами духоборчества. В XVIII в. в них сложились все условия для распространения сектантских идей. В этом процессе сыграли свою роль отдаленность губерний от центра, малонаселенность, пестрота социального состава, постоянный приток переселенцев и довольно вольготные условия для жизни [28, с. 145–151].

Важную роль в оформлении и распространении духоборческого учения сыграли лидеры секты. В разных губерниях проповедовали разные деятели, что обусловило географическое своеобразие духоборческих идей на раннем этапе оформления учения.

Наиболее ранние сведения о секте упоминаются относительно Харьковской губернии. П. И. Сумароков отмечал, что в 1740–1750-х гг. в с. Охочем проповедовал неизвестный отставной прусский унтер-офицер, который пользовался авторитетом и добился больших успехов в распространении веры [26, с. 43–45]. О. Новицкий, как и П. И. Сумароков, считал его учение квакерским [23, с. 6; 26, с. 44]. С этими утверждениями не соглашался И. Н. Харламов, который отрицал влияние квакерства на формирование духоборческого учения [28, с. 153].

В Екатеринославской губернии духоборческие идеи стали распространяться в третьей четверти XVIII в. В это время в с. Никольское проповедовал Силуан Колесников. Он сумел объединить носителей идей в единое общество духоборцев и систематизировал их учение [23, с. 22].

В начале последней четверти XVIII в. духоборчество стало распространяться в Тамбовской губернии. Выдающимся сектантским лидером здесь был Илларион Побирохин, проповедовавший в с. Горелое. В его трактовке духоборчество обогатилось мистическими элементами. Он сумел организовать ряд общин с беспрекословным подчинением лидеру. Именно Побирохин окончательно оформил учение духоборчества, придав ему более четкие формы и содержание [28, с. 159].

Кроме рассмотренных губерний, в литературе упоминаются и другие регионы, которые считались родиной духоборчества. Так, Ф. В. Ливанов называл местом появления секты Москву [21, с. 358–359], а А. С. Лебедев указывал на распространение среди духоборцев российских фамилий, что обусловило проникновение секты в Харьковскую губернию из России [20, с. 26–28].

Где бы ни зародилось духоборчество, уже к концу XVIII – началу XIX вв. оно быстро распространилось по империи: сектой были охвачены Курская, Пензенская, Херсонская, Калужская, Астраханская, Симбирская, Саратовская, Оренбургская, Рязанская и другие губернии [21, с. 360].

Не осталась в стороне и Таврическая губерния. Здесь духоборцы появились в результате целенаправленной политики государства. Однако, по свидетельству О. Новицкого, первые духоборцы появились в Таврической губернии еще до принятого Александром I решения о переселении сектантов на эти земли. Исследователь указывал, что около 1775 г. представители этой секты были замечены в с. Васильевке Таврической губернии, а позже они дали о себе знать в Перекопском уезде, где в 1790-х гг. даже попали под суд 34 духоборца [23, с. 39].

В начале XIX в. их появление в губернии стало официальным и массовым. Духоборцев, как и других сектантов, переселяли на Юг по ряду причин. А. Иванов описал эти причины следующим образом: слепая, доходящая до фанатизма, привязанность к вере и ко всему русскому; надежда на благодарность за дарование им свободы вероисповедания и некоторых льгот; отделение сектантов от православных и поселение их на окраине, в нехристианской среде, что казалось одной из лучших мер для прекращения опасности соращения в секту православных. Однако, как отмечал автор, надежды правительства по поводу сектантов не оправдались [15, с. 69–70].

Соответствующие решения власти были инициированы ходатайством сенаторов Лопухина и Нелединского-Мелецкого, направленным императору Александру I. В нем излагалась просьба духоборцев Харьковской и Екатеринославской губерний разрешить им соединиться в одном месте, которое им будет указано [12, с. 229].

В качестве такого места Александр I определил берега р. Молочной – «Молочные воды». Местность эта находилась на тот момент в Мариупольском уезде Новороссийской губернии, а позднее – с учреждением Таврической губернии – вошла в Мелитопольский уезд. Новороссийскому гражданскому губернатору Миклашевскому был направлен указ с требованием не притеснять духоборцев и разрешить всем желающим переселиться на Молочные воды. На каждого духоборца предполагалось выделить 15 дес. земли, на 5 лет освободить от

податей и выдать по 100 руб. на каждую семью займ для обустройства. Вернуть деньги надлежало после 10 лет проживания на этой территории, по 5 руб. в год [23, с. 62–64].

На Молочные воды поехали духоборцы, возвращенные из ссылок, с каторги и из солдат. Многие ложно объявляли себя духоборцами, чтобы получить свободу [25, с. 288–289]. Первыми поселились 30 семейств в числе 296 человек, возвращенные из Сибири. С ними прибыл старший сын С. Колесникова Кирилл, занявший место лидера секты. Они основали селение Богдановку и начали заниматься земледелием. Их успешный опыт вдохновил многих других духоборцев и поток переселенцев на Молочные воды стал постоянным. Сектанты ехали из Тамбовской, Воронежской, Харьковской и Екатеринославской губерний; переселение шло за их собственный счет. На новых территориях за ними надлежало внимательно наблюдать с целью недопущения распространения секты, но при этом не допускать притеснений [23, с. 64–66].

В 1805 г. вместе с тамбовскими и воронежскими духоборцами в Таврическую губернию прибыл Савелий Капустин – влиятельный сектантский лидер. Некоторые исследователи считают его сыном И. Побирохина, носившим фамилию матери [25, с. 287]. Другие в этом сомневаются, называя его «духовным» сыном, заимствовавшим учение [23, с. 31]. Капустин был хорошим организатором, умевшим конспиративно вести свою деятельность и быстро завоевавшим авторитет среди духоборцев благодаря своей образованности и начитанности.

В Таврической губернии Савелий Капустин развил бурную деятельность. Он основал главную слободу мелитопольских поселенцев – Терпение, сумел организовать там духоборческую общину на принципах общей собственности и стал править в ней на правах пророка. Из архивных документов известно, что в 1815 г. он ездил по губернии по фальшивым паспортам и проповедовал в Мелитопольском уезде свое учение. По мнению Екатеринославского епископа Иова, проповедь Капустина способствовала росту духоборческой секты и, следовательно, совершению разных преступлений [11, л. 6, 17]. За эти действия Капустин был заключен в кандалы и отправлен в Ореховскую тюрьму, но потом был выпущен на поручительство духоборцев [11, л. 36]. Между 1816 и 1820 гг., по свидетельству О. Новицкого, он умер.

Постепенно духоборцы заселили Молочные воды и основали там 9 селений: Богдановку, Терпение, Троицкое, Тамбовку, Спасское, Кириловку, Горелое, Ефремовку и Радионовку. По свидетельству Гермогена, эти селения были созданы в 1801–1805 гг., а названия их имели свои значения. Так, Горелое получило свое название в честь села Горелое Тамбовской губернии, откуда переселялись его жители. Родионовка была названа именем первого переселившегося туда духоборца Родиона Переверзева. Селение Богдановку (Богом данную землю) духоборцы так называли по причине очень выгодной и удобной для себя земли. Спасское было названо по наименованию села Спасского Тамбовской губернии, из которого духоборцы пришли в Таврическую губернию. Самое большое поселение духоборцев – Терпение – было основано С. Капустиным в 1805 г. Название

Капустин посвятил терпению духоборцев при гонениях на них до воцарения Александра I. Ефремовку духоборцы называли по имени первого переселенца духоборца Ефрема Шукина [12, с. 229–243].

На новых землях духоборцы довольно быстро освоились. Так, по прибытии на Молочные воды они реализовали один из принципов своего учения – существование в равноправной коммуне на основе общей собственности. Духоборцы объединили все свое имущество в единую коммунальную собственность, с общей денежной кассой, общим стадом и двумя хлебными магазинами. Пользоваться имуществом можно было на равных, по текущей надобности. По мнению исследователей, общественные денежные кассы и склады зерна могли формироваться путем добровольных или обязательных денежных и натуральных взносов отдельных хозяев. Однако свидетельства об общей собственности дают основание предполагать, что у духоборцев имелось и обобществление средств и орудий труда. В. Д. Бонч-Бруевич отмечал, что на Молочных водах духоборцы «зажили общиной, имея общие большие запашки» [25, с. 289].

Видимо, не все переселившиеся духоборцы основывали свой экономический быт на таких началах. Так, известно, что общие хлебные магазины имелись не во всех, а только в двух селениях на Молочных водах. Характерны и занятия духоборцев, среди которых преобладало земледелие [18, с. 87–88].

Благоприятные условия для развития сельского хозяйства у сектантов сложились благодаря щедрому наделению их землей. Однако вскоре выяснилось, что при таком подходе у соседей духоборцев из православных крестьян возникал большой соблазн вступления в секту с целью получения большего надела земли. В результате рассмотрения властями этого вопроса духоборцы стали получать землю наравне с православными – по 15 дес. на душу мужского пола с оплатой 20 коп. в год. В 1823 г. такие земельные наделы получили более тысячи духоборцев Мелитопольского уезда [4, л. 120, 129, 144].

Одной из причин хозяйственных успехов духоборцев в течение первого десятилетия проживания их на Молочных водах является заимствование у соседей-меннонитов ряда усовершенствований в земледелии. Кроме того, духоборцы, не имея возможности обработать все свои земли, занялись коневодством и овцеводством, в чем значительно преуспели. В слободах были устроены сукновальни и ткацкие полотняные мастерские. Естественным следствием этих успехов была ликвидация первоначального равенства и коллективизма потребления. С развитием рыночных отношений положение изменилось: сохранился уравнительный пай хлебного продовольствия; денежные доходы стали делиться соответственно положению того или иного члена общества, а затем по тому же принципу поделили скот [19, с. 226].

Занятия сектантов определили социальный состав: духоборческая секта была в основном крестьянской, небольшой процент составлял купеческо-предпринимательский элемент. Исходя из этого, можно охарактеризовать уклад

жизни сектантов как традиционный и описать взаимоотношения сектантов с православными и между собой.

Так, в духоборческой общине Молочных вод были распространены почтение детей к родителям и вообще младших к старшим, честность, взаимоуважение, сострадательность к ближним, трудолюбие. С проезжавших через их селения людей духоборцы не брали платы за постой, все проезжавшие останавливались в особом общественном доме.

Однако архивные документы указывают и на конфликты, возникавшие между духоборцами и православными. Так, например, в 1816 г. сектанты села Терпение и православный священник разошлись во взглядах на веру, в результате чего священник, будучи в нетрезвом состоянии, вступил в драку с духоборцами и был ими закован в конские железные путы. В итоге разбирательств обе стороны конфликта получили наказание [10].

Образ жизни духоборцев напрямую был связан с их вероучением, которое сложилось в течение длительного времени. Источником учения духоборцы признавали внутреннее откровение – просвещение Бога Слова, обитающего в душе человека [1, с. 225]. Они не отрицали положения о воплощении святого духа в живых людях, однако считали, что душа Христа вселялась в одного человека и далее передавалась по наследству [27, с. 60].

Плодом внутреннего откровения являлось предание, которое хранилось в памяти и сердцах духоборцев и именовалось «Животной книгой», которая имела и внешний вид. Она состояла из духоборческих псалмов, которых, по их мнению, было бесчисленное множество. Они записывались и заучивались с детства. «Животная книга» излагала вероучение, описывала историю духоборчества, скитания и страдания приверженцев секты [14].

Целостность «Животной книги» основывалась на том, что Бог обитает в роде духоборцев и не дает согрешить. Просвещение Богом каждого человека, содержание в его сердце части «Животной книги» – неодинаково; один может быть просвещенным, другой менее; отсюда у духоборцев на первом месте авторитет просвещенного учителя, который «вещал глаголы жизни» [1, с. 225–226].

Библию духоборцы не понимали и считали, что только с помощью внутреннего откровения верующий может понять ее аллегории и символы. Идеологи секты считали необходимым давать к Библии свои собственные пояснения [22, с. 52]. До конца XVIII в. духоборцы читали Библию на своих собраниях, потом она утратила свое значение, когда Капустин запретил читать Библию, и объявил истинным только живое устное слово [17, с. 729].

В целом, догматическое учение было раскрыто у духоборцев очень мало. Духоборцы веровали в единого Бога, который создал мир, ему следовало служить «духом и истиною». Бог создал человека, чтобы сделать его своим живым храмом. Человек, возлюбивший Бога, имеет в душе божественную Троицу. Единение с Богом у духоборцев – это результат процесса совершенствования [17, с. 729].

Переселение души в духоборца совершалось приблизительно с 6 до 15 лет, когда духоборец заучивал несколько псалмов «Животной книги»; до того же

времени всякий духоборец имел не душу, а только дух – простое дыхание, не имевшее бытия [1, с. 227].

К православной церкви духоборцы относились отрицательно. Они считали, что каждый человек грешит и спасается сам, следовательно, церковь с ее обрядами не нужна [27, с. 60]. Они отказались от услуг священников, отвергли почитание креста и икон, не исполняли православные обряды [19, с. 151]. Они отрицали постоянные храмы и всякую духовную иерархию, поэтому у них не было представителей культа. Руководители секты никаких культовых действий не совершали.

Мелитопольские духоборцы, как и все остальные, не имели молитвенных домов или особых помещений для собраний. Молились в домах верующих. Религиозными символами у духоборцев считались хлеб, соль и кувшин с водой, которые ставились на стол во время богослужения. Во время собраний старцы читали вслух псалмы из «Животной книги» [27, с. 61]. Каждый должен был прочесть новый псалом; затем вели беседы. В конце моления мужчины и женщины порознь по очереди, взявшись за правые руки как для рукопожатия, кланялись друг другу два раза, целовались и еще раз кланялись, тем самым поклоняясь Троице в каждом человеке [17, с. 731]. В заключение моления устраивалась братская трапеза.

Своеобразное учение сектантов привлекло внимание властей. Периоды гонений на сектантов сменялись императорской милостью. Так, для духоборцев Таврической губернии большое значение имела деятельность двух императоров: веротерпимого и лояльного Александра I и строгого и даже жестокого Николая I. Единой целью власти в отношении сектантов было ограничение распространения секты, различались только средства, которые необходимо рассмотреть подробнее.

Поскольку духоборцы отрицали светскую и духовную власть, они отказывались давать верноподданническую клятву и служить в армии, скрывали дезертиров и др. Это вызывало недовольство со стороны властей, которое впоследствии выразилось в ряде ограничительных мер.

Жесткая политика правительства в XVIII в. в отношении духоборцев сменилась либеральным правлением Александра I, который в 1801 г. разрешил вернуться сосланным в Сибирь духоборцам, а в 1803 г. даровал им свободу вероисповедания. По мнению исследователей, эти либеральные меры привели к еще более широкому распространению секты [1, с. 228]. Но уже в конце жизни Александра I его отношение к сектантам изменилось и их стали подвергать ограничениям. Так, например, в 1820 г. духоборцам запретили занимать выборные и государственные должности [6, л. 2].

Основным средством воздействия на духоборцев было увещание и наставление в вере. Так, в 1820 г. в отношении выявленных в Мелитопольском уезде духоборцев протоиерей Якимовский провел увещание, в результате чего трое мужчин с семьями и пять женщин перешли в православие [4, л. 72–73].

Следует отметить, что все объявлявшиеся в Таврической губернии духоборцы, как правило, также переселялись на Молочные воды. Главной целью таких мер была изоляция их от православного населения. Уйти с Молочных вод можно было только при условии перехода в православие.

При Николае I ограничение сектантов в правах усилилось. По мнению В. Д. Бонч-Бруевича, даже осознавая значительную экономическую выгоду от духоборцев, Николай не мог примириться с их отказами от воинской повинности и пренебрежительным отношением к власти и духовенству [25, с. 291]. Последовал новый этап мер: их секта была объявлена особенно вредной и была усилена строгость взысканий за ее распространение.

Так, в 1839 г. таврическим духоборцам запретили иметь в своем владении земли далее 30 верст от мест их водворения и в одном и том же уезде [7, л. 1]. В 1842 г. духоборцам однодворческого сословия запретили приобретать крестьян от людей, им равных; а тех, кто уже к тому времени состоял во владении однодворцев-духоборцев, предписывалось отбирать в казенное ведомство с выдачей за них владельцам денежных вознаграждений из казны [9, л. 1].

Таким образом, очевидно, что правовое положение духоборцев в указанный период ухудшилось. Однако следует отметить, что иногда они получали от правительства некоторые льготы. Так, например, из архивных документов известно, что в 1834 г. духоборцы ходатайствовали о разрешении им нанимать желающих из мусульман для поступления за семейства их в рекруты, или вместо поставки рекрутов натурой вносить в казну по 3 тысячи рублей за каждого рекрута. Данные действия были разрешены поселенным в Мелитопольском уезде духоборцам на добровольных условиях. Но уже в 1837 г. данная духоборцам льгота была отменена, так как, по мнению властей, это преимущество перед православными создавало угрозу распространения сектантства [5, л. 8, 29, 38]. Тем не менее, очевидно, что несколько лет духоборцы пользовались такими льготами.

Таким образом, вышеизложенные сведения позволяют заключить, что осуществлялось постепенное усиление ограничительных мер в отношении духоборцев, хотя и допускались некоторые послабления для них.

Самой значительной мерой в отношении духоборцев Таврической губернии стало предписание о переселении их за Кавказ. Поводом для этого стало, по мнению исследователей, постепенное замыкание общины в себе, выделение и укрепление правящей верхушки и появление жестоких расправ с недовольными, вплоть до пыток и убийств [27, с. 62].

Сведения о массовых преступлениях, совершаемых духоборцами в отношении своих единомышленников, дошли до властей, в результате чего была инициирована государственная проверка. Итогом следственных действий стало решение о переселении духоборцев из Таврической губернии в Закавказье, что было закреплено в императорском указе в 1839 г. Следующим указом в январе 1841 г. Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор уведомил духоборцев о необходимости переселения, которое они заслужили за отречение от православной веры, но «милосердный император наказал их только за совершенные преступления» [3, л. 1–2].

Для организации переселения была создана специальная комиссия. Духоборцам было разрешено распродать свое имущество и велено было приготовиться к переселению. Однако продавалось недвижимое имущество по очень низкой цене,

поэтому практически все переселенцы были разорены и в таком плачевном состоянии выселены.

Процесс переселения начался в 1841 г. и длился до 1845 г. Ежегодно в путь выступали по одной партии переселенцев, выходили они, как правило, в конце весны – начале лета. Итогом этих действий стало исчезновение многочисленной духоборческой общины в Таврической губернии (их число достигло более 4,5 тысяч человек), незначительная часть оставшихся сектантов перешла в православие.

Из архивных документов известно, сколько людей выступало в каждой партии и сколько скота брали с собой. Так, первая партия насчитывала 795 человек [2, л. 228], вторая – 778 [8, л. 35], третья – 823 [24, л. 584], четвертая – 1137 человек [24, л. 677], пятая – 1448 человек и 4 кантониста [24, л. 733].

Для сопровождения духоборцев был назначен штабной капитан Кандаранцев. Именно его доклады раскрывают все трудности процесса переселения и его последствия для сектантов, демонстрируют маршрут движения переселенцев, показывают число заболевших и умерших в дороге, потери скота и др. Из рапортов офицера видно, что на новых местах условия жизни были неблагоприятными, поэтому многие переселенцы хотели вернуться назад и для этого даже были готовы принять православие. Однако их стремления не были учтены, а на оставленных после них территориях в Таврической губернии были поселены православные крестьяне.

Выселение духоборцев за пределы Таврической губернии привлекло внимание многих людей, выражавших им сочувствие. Так, в ГАРФ хранится записка А. А. Бакунина с описанием событий 1840-х гг., свидетелем которых был сам автор. Он отмечал беспомощность переселенцев, пострадавших от власти за свои религиозные убеждения. При этом автор превозносил трудолюбие духоборцев, которые способствовали хозяйственному освоению края [13, л. 7].

Таким образом, можно сделать вывод, что история духоборчества в Таврической губернии охватывает период с 1802 г. по 1845 г. В эти годы на территории северной части губернии была сформирована достаточно многочисленная община – в период ее расцвета она достигала почти 5 тыс. человек. Благодаря лояльной политике Александра I духоборцы смогли претворить в жизнь некоторые принципы своего учения и создать коммуну на основе равенства и общей собственности. Они основали ряд поселений и внесли большой вклад в хозяйственное развитие региона. Однако вскоре в их среде происходит ряд противоправных действий, следствием чего, на фоне усиливающейся ограничительной политики государства в отношении сектантов, становится их выселение за пределы Таврической губернии. В первой половине 1840-х гг. духоборцы были массово выселены в Закавказский край, и на этом история их пребывания в Таврии закончилась.

Список использованных источников и литературы

1. Булгаков С. В. Православие: ереси, секты, западные вероисповедания: Соборы. – М.: б.и., 1912. – 373 с.

**ДУХОБОРЧЕСКАЯ СЕКТА В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

- Bulgakov S. V. Pravoslavie: eresi, sekty, zapadnye veroispovedaniya: Sobory. – М.: b.i., 1912. – 373 s.
2. Государственный архив Одесской области (ГАОО). – Ф. 1. – Оп. 151. – Д. 77. – 402 л.
Gosudarstvennyi arkhiv Odesskoi oblasti (GAOO). – F. 1. – Op. 151. – D. 77. – 402 l.
3. ГАОО. – Ф. 89. – Оп. 1. – Д. 758. – 2 л.
GAOO. – F. 89. – Op. 1. – D. 758. – 2 l.
4. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 5117. – 151 л.
Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (GARK). – F. 26. – Op. 1. – D. 5117. – 151 l.
5. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 6789. – 96 л.
GARK. – F. 26. – Op. 1. – D. 6789. – 96 l.
6. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 4. – Д. 513. – 2 л.
GARK. – F. 26. – Op. 4. – D. 513. – 2 l.
7. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 4. – Д. 755. – 6 л.
GARK. – F. 26. – Op. 4. – D. 755. – 6 l.
8. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 4. – Д. 852. – 92 л.
GARK. – F. 26. – Op. 4. – D. 852. – 92 l.
9. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 4. – Д. 899. – 3 л.
GARK. – F. 26. – Op. 4. – D. 899. – 3 l.
10. ГАРК. – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 1572. – 34 л.
GARK. – F. 27. – Op. 1. – D. 1572. – 34 l.
11. ГАРК. – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 1574. – 50 л.
GARK. – F. 27. – Op. 1. – D. 1574. – 50 l.
12. Гермоген, епископ Псковский и Порховский, бывший Таврический и Симферопольский. Таврическая епархия. – Псков: Типография губернского правления, 1887. – 520 с.
Germogen, episkop Pskovskii i Porkhovskii, byvshii Tavricheskii i Simferopol'skii. Tavricheskaya eparkhiya. – Pskov: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1887. – 520 s.
13. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 825. – Оп. 1. – Д. 483. – 14 л.
Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. – F. 825. – Op. 1. – D. 483. – 14 l.
14. Животная книга духоборцев / [собр. и запис. В. Д. Бонч-Бруевич] // Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола / [под ред. В. Д. Бонч-Бруевича]. – СПб.: Типография Б. М. Вольфа, 1909. – Вып. 2. – 327 с.
Zhivotnaya kniga dukhobortsev / [sobr. i zapis. V. D. Bonch-Bruevich] // Materialy k istorii i izucheniyu russkogo sektantstva i raskola / [pod red. V. D. Bonch-Bruevicha]. – SPb.: Tipografiya B.M. Vol'fa, 1909. – Vyp. 2. – 327 s.
15. Иванов А. О поселении раскольников в пределах нынешней Таврической губернии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь, 1889. – № 7. – С. 69–80.
Ivanov A. O poselenii raskol'nikov v predelakh nyneshnei Tavricheskoi gubernii // Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii. – Simferopol', 1889. – № 7. – S. 69–80.
16. Ивлева Я. А. Архивные источники по истории православного сектантства Таврической губернии в первой половине XIX в. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2014. – 296 с.
Ivleva Ya. A. Arkhivnye istochniki po istorii pravoslavnogo sektantstva Tavricheskoi gubernii v pervoi polovine KhIKh v. – Simferopol': IT «ARIAL», 2014. – 296 s.
17. Иникова С. А. Русские секты / С. А. Иникова // Русские (Серия «Народы и культуры») / [отв. редакторы В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук]. – М.: Наука, 1999. – С. 722–740.
Inikova S. A. Russkie sekty / S. A. Inikova // Russkie (Seriya «Narody i kul'tury») / [otv. redaktory V. A. Aleksandrov, I.V. Vlasova, N. S. Polishchuk]. – M.: Nauka, 1999. – S. 722–740.
18. Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России. – М.: Наука, 1965. – 348 с.
Klibanov A. I. Istoriya religioznogo sektantstva v Rossii. – M.: Nauka, 1965. – 348 s.
19. Критика религиозного сектантства (Опыт изучения религ. сектантства в 20-х – начале 30-х годов). Общ. ред. и предисл. А. И. Клибанова. Сост. и авт. примечаний Г. С. Лялина. – М.: Мысль, 1974. – 263 с.
Kritika religioznogo sektantstva (Opyt izucheniya relig. sektantstva v 20-kh – nachale 30-kh godov). Obshch. red. i predisl. A. I. Klibanova. Sost. i avt. primechanii G. S. Lyalina. – M.: Mysl', 1974. – 263 s.

20. Лебедев А. С. Духоборцы в Слободской Украине. – Харьков: Типография губернского правления, 1890. – 31 с.
Lebedev A. S. Dukhobortsy v Slobodskoi Ukraine. – Khar'kov: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1890. – 31 s.
21. Ливанов Ф. В. Раскольники и острожники: Очерки и рассказы: в 4 т. – СПб.: Типографии: М. Хана, П. П. Меркулова, 1870-1873. – Т. 1. – [4-е изд., испр. и доп.]. – 1872. – 598 с.
Livanov F. V. Raskol'niki i ostrozhniki: Ocherki i rasskazy: v 4 t. – SPb.: Tipografii: M. Khana, P. P. Merkulova, 1870-1873. – Т. 1. – [4-е изд., ispr. i dop.]. – 1872. – 598 s.
22. Малахова И. А. Духовные христиане. – М.: Политиздат, 1970. – 128 с.
Malakhova I. A. Dukhovnye khristiane. – M.: Politizdat, 1970. – 128 s.
23. Новицкий О. Духоборцы. Их история и вероучение. – [2-е изд.: пер. и доп.]. – К.: Унив. типография И. Завадского, 1882. – 282 с.
Novitskii O. Dukhobortsy. Ikh istoriya i verouchenie. – [2-е изд.: per. i dop.]. – K.: Univ. tipografiya I. Zavadskogo, 1882. – 282 s.
24. Российский государственный исторический архив. – Ф. 381. – Оп. 1. – Д. 23035. – 745 л.
Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. – F. 381. – Op. 1. – D. 23035. – 745 l.
25. Сектанство и старообрядничество в первой половине XIX века / Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. Т. 1. О религии, религиозном сектанстве и церкви. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. – С. 265–307.
Sektantstvo i staroobryadnichestvo v pervoi polovine XIX veka / Bonch-Bruevich V. D. Izbrannye sochineniya. T. 1. O religii, religioznom sektantstve i tserkvi. – M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1959. – S. 265–307.
26. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. – Т. 1. – СПб.: Имп. типография, 1803. – 273 с.
Sumarokov P. I. Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu. – T. 1. – SPb.: Imp. tipografiya, 1803. – 273 s.
27. Федоренко Ф. Секты, их вера и дела. – М.: Издательство политической литературы, 1965. – 359 с.
Fedorenko F. Sekty, ikh vera i dela. – M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1965. – 359 s.
28. Харламов И.Н. Духоборцы. Исторический очерк // Русская мысль. – 1884. – № 11. – С. 138–161.
Kharlamov I.N. Dukhobortsy. Istoricheskii ocherk // Russkaya mysl'. – 1884. – № 11. – S. 138–161.

Ivleva Ya. A. The doukhobor sect in the Taurian province in the first half of the XIX century

The subject of Orthodox sectarianism is an interesting and little-studied page of history. Her research has been conducted one-sidedly for a long time. The need for an unbiased study of the history of Orthodox sects, in particular the Doukhobors, is long overdue, but has not yet been realized. Based on the analysis of sources and literature in a fairly broad chronological framework, a comprehensive study of the Doukhobors sect in the Taurian province was carried out. Such aspects of its history as its appearance in the Taurian province and further evolution are investigated, the peculiarities of the creed, the relationship with the authorities are revealed. Their socio-legal status, main occupations, government policy towards sectarians and their relations with the Orthodox population are characterized. The final stage of the stay of the Doukhobors in the Taurian province is considered, the reasons and procedure for resettlement to the Transcaucasian Region in the 1841–1845 are described.

Keywords: sect, Orthodoxy, the Doukhobors, empire, Taurian province.